

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.8.13>

Ершов Михаил Федорович

Исследование мифического пространства: трикстер, трансгрессия и превращенные формы

Сюжеты о трикстерах достаточно хорошо известны в науке. Цель исследования - выявление характерных черт трикстеров и их функций в осваиваемом пространстве через использование неклассических методологических оснований. Работа выполнена на материалах обско-угорского фольклора. Научная новизна заключается в обосновании возможностей использования новых междисциплинарных подходов и неклассических методологических оснований при анализе действий трикстеров. Результаты раскрывают и объясняют особенности мотивационных предпочтений людей традиционной культуры на осваиваемых землях.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2020/8/13.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 8. С. 81-86. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2020/8/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

Этнография, этнология и антропология

Ethnography, Ethnology and Anthropology

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.8.13>

Дата поступления рукописи: 22.06.2020

Сюжеты о трикстерах достаточно хорошо известны в науке. Цель исследования – выявление характерных черт трикстеров и их функций в осваиваемом пространстве через использование неклассических методологических оснований. Работа выполнена на материалах обско-угорского фольклора. Научная новизна заключается в обосновании возможностей использования новых междисциплинарных подходов и неклассических методологических оснований при анализе действий трикстеров. Результаты раскрывают и объясняют особенности мотивационных предпочтений людей традиционной культуры на осваиваемых землях.

Ключевые слова и фразы: миф; обские угры; превращенная форма; трансгрессия; трикстер.

Ершов Михаил Федорович, к. ист. н., доц.

*Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок, г. Ханты-Мансийск
mfershov@mail.ru*

Исследование мифического пространства: трикстер, трансгрессия и превращенные формы

В традиционной культуре мифы объясняли цельность пространства, предотвращали его распад на отдельные фрагменты в сознании человека. Вплоть до возникновения земледелия, которое на Севере не получило распространения, существование локальных социумов отличалось постоянной горизонтальной мобильностью. К ней их вынуждали привычные способы хозяйствования: вначале охота, позднее – скотоводство [5]. При этом внешнее окружение не утрачивало враждебности. Более того, она возрастала: с ростом плотности населения и с имущественной и социальной дифференциацией обострялась конкуренция за ресурсы. Социумам требовалось убедительное обоснование миграций для преодоления страхов. Проблема заключается в понимании роли, которую в этих процессах играли трикстеры, и того, как через их мифологизированные действия общество преодолевало замкнутость.

Актуальность разработки темы исследования не вызывает сомнений. Сегодня, как и в прошлом, на множестве неосвоенных территорий рациональные основания неприменимы в полном объеме. Раскрытие характерных черт трикстеров и их функций в осваиваемом пространстве вызывает устойчивый интерес в научном сообществе. Одна из причин устойчивого внимания – амбивалентность фигуры трикстера. Объектом изучения стали сюжеты обско-угорского фольклора о действиях трикстеров. Предметом – теоретическая интерпретация их поведения в ещё не освоенном мифическом пространстве.

Для достижения поставленной цели потребовалось предварительное разрешение *задач* исследования. Важно выяснить специфику проникновения в новое пространство и то, как с этой спецификой связаны образы трикстеров в том числе в обско-угорском фольклоре. Дополнительно необходимо определить роль культурных механизмов, которые обуславливали действия и нарушения запретов со стороны трикстеров, равно как и степень соответствия последних мифическому и реальному времени. Некоторые ответы на вышепоставленные вопросы автор дал в предыдущей публикации [7].

Исследование основано на анализе традиционной культуры и фольклора обских угров (мифы, эпические предания, сказки). Его характерной чертой стало применение междисциплинарного подхода. *Методы исследования* основаны (с необходимой адаптацией) на применении теоретических разработок некоторых гуманитарных и естественных дисциплин: философии, биологии, этологии, антропологии и этнологии. Это принцип дополнительности, сравнительно-этологический, историко-компаративистский и историко-генетический методы, а также использование историко-антропологических сценариев и мотивационно-деятельностных схем. К междисциплинарному инструментарию относится также употребление дефиниций, раскрывающих глубинные психические явления и ещё не вполне укорененных в отечественных исследованиях, таких

как «превращённая форма» [15], «транссессия» [2; 10]. Благодаря им более содержательно раскрываются специфические черты трикстера, совершающего внешне алогичные поступки.

Интерес к иррациональному поведению человека появился в психологии на рубеже XIX-XX вв. Позднее смех, трикстерство привлекли внимание этнографов и антропологов. К настоящему времени накоплена значительная *теоретическая база*. Труды западных гуманитариев сформировали основы изучения феномена трикстера [29; 33; 35; 36]. Достаточно ценными для нашего исследования оказались работы о свойствах трикстеров, действующих на грани нескольких миров [31]. Значимы разработки современных ученых о психологии трикстеров [34; 37]. В отечественной науке данная проблематика объединяет антропологов и этнографов, в том числе тех, кто изучает мифологию обских угров [4-6; 18; 22; 23]. Устойчивый интерес к трикстерам не отменяет существования «узких» мест в исследовательском массиве (например, связи трикстеров с осваиваемым пространством), равно как и поисков нового инструментария для понимания этих образов.

Практическая значимость заключается в возможности использования новых теоретико-методологических положений для исследования мифологем прошлого и современности. Тем самым осуществляется смещение внимания от жестко заданных ригидных схем к открытым неравновесным системам. Данное обстоятельство увеличивает количество возможных вариантов при объяснении мотиваций поступков маргинальных акторов. На сегодняшний день имеется общественный запрос на детальное осознание образа трикстера, действующего в осваиваемом пространстве.

Особенностью человеческого сообщества является активное отношение к окружающей среде. Оно порождает постоянный рост потребностей, как и постоянное проникновение на новые территории. Исследовательский инстинкт, связанный с освоением пространства, относится к числу базовых для многих биологических видов. Основатель этологии Конрад Лоренц в числе причин агрессии у животных называет борьбу за территорию и за место на уже освоенной территории [14]. У грызунов ориентировочно-исследовательское поведение конкурирует с агонистическим поведением [3]. Изучение их жизни биологами подтверждает, что насыщенная предметами среда и обширная территория позволяют низкоранговым самцам отыскать убежище от агрессии доминантных особей [12, с. 86-88; 13]. И напротив, как хорошо показано в эксперименте Джона Кэлхуна «Вселенная-25», нищевое изобилие не избавляет сообщество грызунов от жесткой внутривидовой агрессии и последующего уничтожения, если они находятся в ограниченном замкнутом пространстве [32].

Если животное адаптируется к природе, то человек приспосабливает её под собственные нужды. Это порождает постоянное умножение потребностей, как и формирование социума в виде неравновесной системы. По мнению А. П. Назаретяна, со временем в её существовании наступает кризис – «фаза опасного снижения устойчивости, когда в силу изменившихся внешних или внутренних условий наработанные ранее шаблоны жизнедеятельности способны привести к её разрушению» [19, с. 124]. Итогом кризиса становится либо разрушение системы, либо смена среды обитания, выработка качественно новых шаблонов (механизмов) жизнедеятельности.

Но, в отличие от животных, человек обладает активным отношением к окружающей природе и абстрактно-образным мышлением. Свои действия он вынужден обосновывать. Его рефлексия принимает различные формы. В мире традиций это – миф. Особенности мифического мировоззрения исследуются во множестве гуманитарных дисциплин. Есть понимание того, что миф тотален и субъективно, для своих носителей, – вполне реален. Сегодня миф несводим к сказочным сюжетам. В то же время, как подчеркивает А. В. Головин, в мифе вселенная нередко предстает в виде скопления многообразных частных, постоянно перетекающих друг в друга [6, с. 528-539].

Множественные ипостаси мифа как содействуют осознанию частных прошлого, так и одновременно затрудняют их общее понимание. Мифы с их персонажами оказываются некоей *terra incognita*. Для рационально мыслящего исследователя они предстают неизведанным пространством с постоянно меняющимися свойствами, текучим и способным генерировать подспудный дискомфорт. Его сущностные свойства противостоят привычному для нас мироустройству. Внутреннее психическое отчуждение здесь нередко смещается в сферу умолчания, его принимают как неизбежность: ведь эти люди так думают. Но при последовательном конформистском следовании за мифами наступает рано или поздно поглощение ими самого исследователя. Он в той или иной мере утрачивает адекватность внешнего отстраненного наблюдателя, попадая в орбиту мифотворчества. Последовательное отрицание и пассивное следование за мифом оказываются в равной мере ущербными. В обоих случаях единство одушевленного мира не перевоплощается в единство системной интерпретации, а исследовательские практики тяготеют к субъективизму или описательным подходам.

Иная позиция предполагает отказ от отчуждения и от интеллектуальной капитуляции перед мифом. Здесь важно не отрываться от естественности природной среды. Последняя, будучи географическим пространством, задается определенными параметрами, из которых даже мифы, при фантазиях их анонимных создателей, неспособны последовательно «выскочить». Что касается самого человека, то его вышеупомянутые биологические начала (ориентировочно-исследовательское и агонистическое поведение) сочетаются с активностью и абстрактно-образным мышлением. Человек оказывается не только способным на расширение ареала обитания, но и на его мысленное конструирование. Его активность ведёт и к постоянному проникновению на новые территории, и постоянному их моделированию.

В мифическом мировоззрении, в том числе у обских угров, пространству свойственны горизонтальное (четыре стороны света), вертикальное (три мира), сакральное и профанное (два мира: богов и людей) деления. Мифическое мироздание иерархично и космично. Его пространство и время перетекают из одного

качества в другое. Части пространства неоднородны по значимости. В них отчетливо присутствуют различия. Прошлое – настоящее, высокое – низкое, светлое – тёмное, хорошее – плохое. Так, светлый сакральный мир у обских угров тяготеет к югу и востоку и занимает верхние этажи вертикали. При этом, как показал М. Элиаде, своё место жительства люди прошлых эпох воспринимали как центр мироздания [30, с. 43]. И напротив, окружающая территория ими считалась иным, обычно враждебным миром.

В периферийных зонах благодаря усилиям посредников границы отдельных частей пространства оказываются принципиально проницаемыми. Эти достаточно известные сведения нуждаются, однако, в дополнительном анализе. Возникают вопросы: кто именно способен преодолеть границы и посредством какой мотивации оправдываются нарушения границ? Редукция проблемы до биологических или экономических основ не будет оправданной. Если исходить из мировоззрения человека традиционной культуры, то нарушение им установленной гармонии может быть только случайным, неполноценным, «несерьёзным».

Для этого требуется особый человек – трикстер (от англ. *trickster* – обманщик, ловкач). В обско-угорском фольклоре хорошо известен этот персонаж. Трикстер – божество, дух, человек или антропоморфное животное, совершающее «противоправные» действия и не подчиняющееся общепринятым правилам поведения. Трикстеры могли быть плутоватыми, дурашливыми, глупыми, иногда и вороватыми. Это антиповедение во все не обязательно порождалось «злым умыслом» – они переводили существующие проблемы в сферу осмеяния или в игровую форму.

Первопроходцам-трикстерам приходилось действовать в чуждом мире, на не освоенных конкретным социумом территориях, в иноэтнической среде. Важно понять поведение трикстера при множестве опасных контактов, начиная от мифических существ и заканчивая непростыми взаимоотношениями с русскими переселенцами. Здесь примечательна многозначная фигура Эква-пырыся; он же Ими Хилы, Альви, Альвали и др. [17, с. 106-107]. Исследователи считают, что он является одной из ипостасей духа-покровителя Мир-суснэ-хума [1]. Его образ стал своеобразным социальным маркером, раскрывающим отношение к пространству. Он – «Смотрящий за миром», «Землю объезжающий человек», тот странствующий герой, который рождён между небом и землей и которому желательны пожертвования перед путешествием [21, с. 376-377].

Видимо, этот образ Мир-суснэ-хума был заимствован из индоиранской мифологии и претерпел здесь трансформации, характерные для культурных героев. Данное предположение не противоречит перевоплощениям, которые могли быть реализованы в первоначально чуждом пространстве. Этими же причинами объясняются и несовпадения в образах трикстеров, нарушивших запреты и оказавшихся первооткрывателями новых земель и творцами нового мира. Стереотипны окончания сказок про Ими Хилы: с возникновением человеческой эры – «века женщин размером с куклу, века мужчин размером с куклу» – наш герой достигает благополучия и генерирует тот новый миропорядок, где каждому в этой жизни определяется его ниша [11].

По мнению Н. В. Лукиной, «этот персонаж принадлежит одновременно двум мирам – миру предков и миру живущих – и двум временам – сакральному (т.е. эпохе первотворений) и профаническому (т.е. текущему)» [18, с. 47]. Трикстер перемещается между мирами, преодолевает гигантские расстояния и способен менять свои функции. Такая неоднородность привела к генерации множества «ускользающих» имен и обликов. Образ героя почти не связан с местом пребывания. В мифическом времени он – младший сын верховных божеств Нум-Торума и Калтась, герой космогонических мифов, обладающий зооморфными чертами (лебедь, лис, журавль) [16, с. 89-91]. В сказках подчеркиваются его детскость (мальчик не знает названий добытых животных), внешняя слабость («руки нежные, ноги нежные») [25, с. 161]. На самом деле для «низкого» Ими Хилы это всего лишь способы рассказа о его невероятных способностях и уловках в борьбе против менквов-людоедов, злых лесных духов либо богачей и угнетателей [18, с. 47].

Одновременно Ими Хилы – «тёткин племянник», «бабушкин внук», «сын женщины» и носитель не слишком впечатляющих эпитетов, который ведёт почти обыденное существование в Нижнем мире. С одной стороны, такие герои близки к Верхнему миру, но с другой – они униженные бастарды, которым нередко приходится сводить счёты с врагами, вплоть до своих родственников. В одной из песен о рождении Мир-суснэ-хума его отец Нуми Торум женат на русской женщине. Узнав об измене, он выбросил неверную жену из Небесного мира на человеческую Землю, где она родила «золоторукого, золотоногого» Эква Пыгрись, воспитанного теткой и ставшего непобедимым Мир-суснэ-хумом [24, с. 29-31].

В священной песне «Именитый Отыр» жена предаёт мужа и после его гибели достаётся Русскому Богатырю. Её сын первоначально не знает своего истинного отца. Узнав правду, подросший сын с помощью родственников убивает младших сводных братьев и мать [Там же, с. 171-183]. Ям Алие (Мужчина Верховьев Оби) до того, как стать духом-покровителем, отомстил матери и её братьям, виновным в гибели отца [11, с. 35-73].

По мнению Д. А. Гаврилова, противоречивые утрата связей между отцами и детьми, сватовство и гиперсексуальность являются отличительными чертами множества культурных героев [4, с. 158-161]. В обско-угорском фольклоре образ обманщика-лисы также связан с походом, сватовством, сексуальностью [9, с. 25-29]. Кроме того, лис – одна из ипостасей Мир-суснэ-хума [6, с. 550-554]. Всё это характерные признаки генетической связи трикстера с мобильной, агрессивной, авантюрной, богатырской, а впоследствии и дружинной средой. Они же – свидетельства роста социальной дифференциации у обских угров.

Вопросы о причинах устойчивого воспроизводства образов трикстера и его устойчивой востребованности допустимо причислить к академической и к ситуационной проблематике сегодняшнего дня. С одной стороны, трикстер пассивен, он только лишь отображает некие глубинные процессы. Но, с другой стороны,

трикстер – провокатор, и этим заразителен для подражания. Дополнительно трикстер ещё и активен. Он является носителем неких субъектных свойств. Внешняя парадоксальность снимается через обращение к междисциплинарному подходу, синтезу философского и культурологического наследия.

М. К. Мамардашвили в работе «Превращённые формы» (1970 г.) обстоятельно показал, как в сложных системах «теряют смысл классические различения объекта и субъекта, реальности и способа представления, действительного и воображаемого» (им использовалось понятие «континуум бытие-сознание»). Последовательное использование понятия «превращённой формы» позволило ему выявлять социально-исторические закономерности в максимально приближенном к действительности виде [15, с. 261].

Исключение прямого формального отображения (трикстер присутствует в сказках, хотя непосредственные результаты его действий в подлинной жизни нереализуемы, что не помешало его образу стать эталоном для подражания) позволяет фиксировать объекты вне системы, как бы «надстраиваемыми» над ней. Трикстер порожден социальными реалиями, но пространственно стремится покинуть их. Это не отчуждает его от функциональных обязательств, как и не снимает вопросов о содержании его действий. С одной стороны, трикстер расшатывает привычный порядок. С другой стороны, подчас действуя обманом и насилием, он объективно «улучшает» человеческий мир.

Присутствующие здесь противоречия, вопреки элементам случайности, созданы внутренними потребностями культуры. Обратимся к категории «трансгрессии», которая у историка культуры Мишеля Фуко означает акт эксцесса, излишества, злоупотребления, преодоления возможного [10]. Жорж Батай дополнительно акцентирует внимание на зарождении трансгрессии в далёкой древности, когда жертвоприношение, в котором видели преступление жреца, еще связывалось переходными свойствами с эротикой и убийством [2, с. 532-552].

Здесь имеется семантическая близость: выламывающиеся из гармонии поступки перерастают в проступки и далее – в преступления (сравни: переступить, преступать). Трикстер, оказавшись в запредельном пространстве, становится изгоем, извергнутым, который и на деле преодолевает границы. Но его злодеяния перевоплощаются в благодеяния для своего социума. «Таким образом, – замечает Рене Жирар – перед нами, как и всегда, парадокс бога, который полезен, потому что вреден, который служит фактором порядка, потому что служит фактором беспорядка» [8, с. 138-139]. Трикстер, считает учёный, есть бог-обманщик, бог-проказник, который, однако, нужен социуму.

Герои мансийской сказки «Охсар-ойка и Король-ойка» живут бедно: «в доме высотой в три бревна». Охсар-ойка, притворившись богачом (он три раза просил у царя весы якобы для взвешивания золотых, серебряных и медных денег), обманом женится на царской дочери и обманом же убивает подлинных хозяев богатств Ялпын-ойку и Ялпын-экви (священных мужчину и женщину) [28, с. 19-25]. Данный сюжет напоминает хрестоматийную сказку Ш. Перро «Кот в сапогах». Те низменные моменты, которые в сакральном действе только подразумеваются, трикстеры осуществляют вполне открыто, бравируя своими проступками. Но их греховность перекрывается, компенсируется авантюрными успехами. Ведь жертвы трикстера – это меньшее из зол. «Жертвоприношение, – замечает О. Тимофеева, – это хитрость: умрёт другой, смерть, которую мы преодолеваем, не совсем “наша”» [26, с. 107].

Успехи трикстера – свидетельство связей с сакральным миром. Благодаря им происходит возвеличивание нашего героя. Его фигура вырастает (иногда даже буквально) над осваиваемой территорией. И наоборот, окружающее его пространство обычно вязнет в частностях, мельчает. Данная трансформация и одновременно победа как бы слабой стороны оправданы и закономерны. Они снимают покровы тайны, уменьшают страхи и возвращают территории её адекватные «человеческие» масштабы. Е. С. Новик отмечает, что пребывание трикстера в ином мире сопровождается преуменьшением либо преувеличением его силы, богатства, достоинств и недостатков [20, с. 148].

Благодаря его активности на обломках старых мифов формируется новый мир, где гигантские глуповатые менквы уже оттеснены на периферию внешне невзрачными человеческими персонажами. Внешняя беззащитность трикстера перевоплощается в силу, поскольку он не играет по привычным «природным» правилам и нарушает общепринятые для местных обитателей ритуалы. Его занятия исследователями характеризуются как антиповедение. В антиповедении, как полагает Б. А. Успенский, «проявляется архаическое представление о потустороннем мире как о мире с противоположной ориентацией или, иначе говоря, с обратными, противоположными – по сравнению с нашим миром – связями» [27, с. 124].

Иногда задача трикстера заключается в расставании с прежним «золотым», сакральным миром, где он, так уж случилось, занимает отнюдь не доминантные позиции. Иногда – в личном возвращении в этот мир. В то же время трикстер обладает необходимыми свойствами, чтобы достичь успеха в профанной сфере, что он и делает, возвышая свой социальный статус и одновременно расчищая пространство для нового миропорядка. Его функции не созидательные. Он – тот разрушитель, который нужен нашему мифическому сознанию. Приключения и путешествия реализуются им не в безлюдных землях. Для осуществления проделок герой нуждается в некоем антагонисте, чьи интересы внешне учитываются, но только лишь для обмана последнего. Такие реципрокные, причем «вывернутые», инвертированные отношения [20, с. 151] вообще-то характерны для ярмарок в торговом городе, куда в конечном итоге и попадает наш неунывающий герой. Ведь один из эпитетов Мир-суснэ-хума – «Купец Верхнего и Нижнего света».

Выводы. Любое сообщество потенциально стремится к новациям. Но данная склонность не реализуется в единообразных организованных колоннах. В неизведанный мир первыми устремляются маргиналы-трикстеры.

Именно там располагаются основные места их действий. Характеристики трикстеров отличаются противоречивостью и синкретичностью. Для них свойственны беззащитность и насилие, шутовство и сакральность, запрещения и нарушения. Эти амбивалентные качества вполне оправданны, ведь пребывание в новом всегда непредсказуемо, и ко всему следует быть готовым.

Всё вышеизложенное отобразилось в обско-угорском фольклоре, где образы Ими Хилы и его двойников часто сохраняются в первичном виде, без последующих наслоений. Их действия соответствуют нормам традиционного мифа, чьи культурные герои еще не обросли позднейшими рациональными оценочными суждениями. Его архаика проявляется в множественности ролей югорских трикстеров. Они – божества, охотники и жители тайги – естественны близостью к изменяющемуся природному миру.

Трикстеры – это акторы, востребованные в открытых неравновесных системах с непредсказуемыми возможными флуктуациями. Их поступки и проступки – одновременно и нарушение социальных норм, и реализация скрытых культурных закономерностей. Их исследование наиболее оптимально через использование теоретических положений, лишенных ригидной заданности и способных акцентировать внимание на нелинейных формах развития. Именно трикстеры относятся к числу объектов и субъектов, оторванных от привычных оснований, пребывающих на грани и даже за гранью привычного существования, на стыке целесообразности и иррациональности.

Соответственно, научная новизна исследования связана с осмыслением теоретических подходов. Она заключается в обосновании тех возможностей, которые предоставляет использование новых междисциплинарных подходов и неклассических методологических оснований при анализе действий трикстеров. Достигнутые результаты не ограничиваются только анализом образов трикстера. Они раскрывают и объясняют особенности мотивационных предпочтений людей традиционной культуры на осваиваемых территориях. Дальнейшая разработка проблематики трикстерства способна содействовать сравнительному анализу психических процессов далёкого прошлого и нашей современности.

Список источников

1. **Анямов П. К.** Образ Эква-пыгриса в фольклоре манси // Фольклор коренных народов Югры и Ямала: общее и особенное: мат-лы Межрегион. науч.-практ. конф. Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2008. С. 102-104.
2. **Батай Ж.** Проклятая часть. Сакральная социология. М.: Ладомир, 2006. 742 с.
3. **Беляев Д. А., Пекалис М. М., Фокин Ю. В.** Этологические аспекты крыс разных генетических линий на занятой ими нейтральной территории // Биомедицина. 2012. № 4. С. 80-82.
4. **Гаврилов Д. А.** Трикстер. Лицедей в евроазиатском фольклоре. М.: Социально-политическая мысль, 2006. 239 с.
5. **Головнёв А. В.** Антропология движения (древности Северной Евразии). Екатеринбург: УрО РАН; Волот, 2009. 496 с.
6. **Головнёв А. В.** Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург: УрО РАН, 1995. 606 с.
7. **Ершов М. Ф.** Очеловеченное пространство: образы и люди Югры. Ханты-Мансийск: Печатный мир г. Ханты-Мансийск, 2018. 114 с.
8. **Жирав Р.** Козел отпущения. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2010. 336 с.
9. **Земляной Братец: мансийские сказки, предания, песни, загадки.** Томск: Изд-во Том. ун-та, 1997. 136 с.
10. **Зенкин С.** Послесловие к трансгрессии // Логос. 2019. № 2. С. 51-62.
11. **Касум мув моньшат-пурат. Сказки-рассказы Земли Казымской /** сост. С. С. Успенская. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2002. 292 с.
12. **Котенкова Е. Н., Мешкова Н. Н., Шутова М. И.** О крысах и мышах. М.: Наука, 1989. 176 с.
13. **Кроукрафт П.** Артур, Билл и другие (все о мышах). М.: Мир, 1970. 158 с.
14. **Лоренц К.** Агрессия (так называемое «зло»). М.: Прогресс; Универс, 1994. 272 с.
15. **Мамардашвили М. К.** Формы и содержание мышления. СПб.: Азбука; Азбука-Аттикус, 2011. 288 с.
16. **Мифология манси.** Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 2001. 196 с.
17. **Мифология хантов.** Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2000. 310 с.
18. **Мифы, предания, сказки хантов и манси /** сост., предисл. и примеч. Н. В. Лукиной. М.: Наука, Гл. ред. восточной литературы, 1990. 568 с.
19. **Назаретян А. П.** Цивилизационные кризисы в контексте универсальной истории (синергетика – психология – прогнозирование). М.: Мир, 2004. 368 с.
20. **Новик Е. С.** Структура сказочного трюка // От мифа к литературе: сборник в честь семидесятилетия Е. М. Мелетинского. М.: Российский университет, 1993. С. 139-152.
21. **Петрухин В. Я.** Мифы финно-угров. М.: Астрель; АСТ, 2003. 464 с.
22. **Пропи В. Я.** Проблемы комизма и смеха. Ритуальный смех в фольклоре (по поводу сказки о Несмеяне). М.: Лабиринт, 1999. 288 с.
23. **Пяткова Н. Л.** Роль трикстера в традиции северных народов // Походяшинские чтения: мат-лы 1-й Регион. краевед. конф. (3-4 июня 2003 г.). Екатеринбург: ЦНБ УрО РАН, 2005. С. 123-130.
24. **Ромбандеева Е. И.** Героический эпос манси (вогулов): песни святых покровителей. Ханты-Мансийск: Принт-Класс, 2010. 648 с.
25. **Слепенкова Р. К.** Арем-моньщем ел ки манал... = Если моя песня-сказка дальше пойдёт... Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2003. 220 с.
26. **Тимофеева О.** История животных. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 208 с.
27. **Успенский Б. А.** «Заветные сказки» А. Н. Афанасьева // От мифа к литературе: сборник в честь семидесятилетия Е. М. Мелетинского. М.: Российский университет, 1993. С. 117-138.
28. **Фольклор манси /** собиратель и сост. Е. А. Кузакова. М.: Наука, 1994. 207 с.

29. Фрейд З. Остроумие и его отношение к бессознательному. СПб.: Университет; АСТ, 1997. 320 с.
30. Элиаде М. Священное и мирское. М.: Изд-во МГУ, 1994. 144 с.
31. Babcock-Abrahams B. "A Tolerated Margin of Mess": The Trickster and His Tales Reconsidered // Journal of the Folklore Institute. 1975. Vol. 11. № 3. P. 147-186.
32. Calhoun J. Death Squared: The Explosive Growth and Demise of a Mouse Population // Proceedings of the Royal Society of Medicine. 1973. Vol. 66. № 2. P. 80-88.
33. Evans-Pritchard E. E. The Zande Trickster. Oxford: Clarendon Press, 1967. 240 p.
34. Hyde L. Trickster Makes This World: Mischief, Myth and Art. N. Y.: North Point Press, 1998. 438 p.
35. Radin P. The Trickster: A Study in American Indian Mythology. N. Y.: Philosophical Library, 1956. 211 p.
36. Radin P., Kerenyj K., Jung C. G. Der göttliche Schelm. Ein indianischer Mythen-Zyklus. Zürich: Rhein-Verlag, 1954. 219 S.
37. Ryan A. J. The Trickster Shift: Humour and Irony in Contemporary Native Art. Vancouver – Toronto: University of Washington Press, Seattle, 1999. 303 p.

Studying Mythological Space: Trickster, Transgression and “Transmuted Forms”

Ershov Mikhail Fedorovich, PhD

*Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development, Khanty-Mansiysk
mfershov@mail.ru*

Trickster stories are well-known among scientists. Relying on non-traditional methodological approaches, the author tries to identify typical features of tricksters' images and to reveal their functions in newly settled lands. The study is conducted by the material of the Ob-Ugric folklore. Scientific originality of the paper involves justifying efficiency of new interdisciplinary approaches and non-traditional methodological models when analysing tricksters' behaviour. The research findings are as follows: the author reveals specificity of traditional culture bearers' motivations in newly settled lands.

Key words and phrases: myth; Ob Ugrians; transmuted form; transgression; trickster.